

© ЭО, 2005 г., № 2

А.А. Белик. Рец. на: *Наука о человеке и общество: итоги, проблемы, перспективы* / Сост. и отв. ред. Г.А. Аксянова. М.: ИЭА РАН, 2003. 328 с.

Публикация рецензируемого сборника посвящена 70-летию Института этнологии и антропологии РАН и является значимым событием в истории антропологии в России, демонстрируя, что несмотря на различные трудности, переживаемые наукой в целом, антропологические исследования в России успешно развиваются. Сборник поражает разнообразием рассмотренных тем и богатством эмпирических данных. Диапазон анализа чрезвычайно широк: от истории антропологических исследований (Томск, Беларусь, Тарту) и обзора музейных коллекций до морфологических особенностей многих этнотерриториальных групп, от биологической адаптации к новым климатическим условиям мигрантов до теории рас в XXI в.

В качестве существенных положительных аспектов рецензируемого издания необходимо отметить наличие довольно содержательных резюме статей на английском языке, отличное оформление и присутствие репрезентативного научного аппарата в каждом исследовании.

В рецензируемом издании присутствует анализ влияния природных факторов и особенностей образа жизни тех или иных народов на физиологию и морфологию составляющих их индивидов. Таким образом, авторы в большей или меньшей степени прослеживают связь между органическими особенностями и природными условиями, между биологией человека и различными формами образа жизни людей (культурой). В этом смысле в рассматриваемой книге можно отметить позитивную тенденцию к созданию единой науки о человеке, объединяющей и особенности его образа жизни, включая и материальную культуру, и различные медико-биологические проблемы, связанные с функционированием индивидов, существующих в определенных природных условиях. Поэтому содержание сборника точно соответствует его названию – “Наука о человеке и обществе”.

Органично вписывается в настоящее издание раздел, посвященный истории антропологических исследований на постсоветском пространстве. Достаточно подробную информацию об антропологических исследованиях в одном из крупнейших центров сибирской науки – Томском государственном университете (ТГУ) – содержит статья М.П. Рыкун. В историческом обзоре автор уделяет внимание развитию антропологии в XX в. Обращает на себя внимание тот факт, что первые антропологи одновременно изучали и антропологию, и этнографию народов Сибири. Таким исследователем был, например, С.И. Руденко. Во второй половине XX в. сотрудниками сектора антропологии Проблемной лаборатории ТГУ был собран обширный материал по ряду этнических групп Сибири: чулымцам, хакасам-кызыльцам, шорцам, северным и южным алтайцам, барабинским и тоболо-иртышским татарам (с. 284). Во второй половине XX в. в исследованиях томских ученых также проявляется тенденция к комплексному изучению народов.

История более “молодой” антропологической науки в Беларуси является предметом рассмотрения в статье Л.И. Тегако. Антропологические исследования в этой стране ведут начало с 1960-х годов и посвящены, в основном, комплексному изучению современного и древнего населения Беларуси. Особо выделим монографию “Биологическое и социальное в формировании антропологических особенностей” (Минск, 1981).

Завершает исторический экскурс небольшая заметка Я.Я. и Т.Я. Касмел о развитии антропологии в Тартуском университете – одном из старейших в Европе. Начало преподавания здесь антропологии авторы относят к 1806 г. и связывают это с деятельностью ряда профессоров, в частности с Д. Балком.

В разделе “Морфология и физиология” мое внимание привлекли в первую очередь две статьи, посвященные эколого-климатической адаптации с точки зрения теплового баланса в организме человека. Это более общая информация в статье И.И. Лизуновой, Т.К. Вяловой, Е.П. Ти-

---

Андрей Александрович Белик – доктор исторических наук, заведующий сектором религиоведения Института этнологии и антропологии РАН.

товой и Е.Б. Савостьяновой “Критерии оценки теплового состояния эмигрантов, прибывших из жарких стран в умеренный климат” и итоги конкретного исследования И.И. Лизуновой “Эколого-физиологические особенности температурного гомеостаза латиноамериканских студентов”. Разработка подобного рода проблем существенна в нескольких аспектах. Прежде всего, ввиду самых разнообразных процессов миграции населения в Россию анализ адаптации к нашим климатическим условиям имеет практическое значение. Кроме того, исследования в этой области способствуют изучению процесса взаимодействия человека и природно-климатических условий в целом.

Влиянию природных условий на морфологию посвящено исследование А.Л. Пурунджана “Этнотерриториальные особенности пропорций конечностей населения России и ближнего зарубежья”, где автор стремится одновременно учесть расово-биологическую и географическую специфику изменчивости изучаемых популяций. Он выделяет три географических центра с характерным типом линейных пропорций сегментов конечностей: западный (типичные представители – прибалтийские группы – латыши и эстонцы), южный (Закавказье – армяне, грузины) и восточный (преимущественно азиатские популяции – корейцы, казахи, все среднеазиатские группы, а также азербайджанцы и чуваша). Отмечается наличие промежуточных комплексов (с. 176–177). В статье А.Л. Пурунджана собран интересный материал, свидетельствующий о широком популяционном разнообразии в строении тела человека, которое классифицируется в соответствии с расовым типом и регионом.

Например, “особенность западного типа состоит в относительно большей длине сегментов нижней конечности, умеренной длине плеча и кисти в сочетании с коротким предплечьем... Южный (закавказский) тип отличает очень большая длина стопы, резко контрастирующая с длиной остальных сегментов” (с. 177). Автор приходит к ряду конкретных выводов и обобщений. Важнейшим итогом исследования является то, что комплекс признаков, определяющих тип линейных пропорций сегментов конечностей, имеет явную регионально-географическую выраженность и в то же время тесно коррелирует с расово-биологической классификацией. Например, “восточный тип” “резко противопоставляется первым двум, отличаясь очень большой длиной предплечья и кисти в сочетании с минимальными величинами сегментов нижней конечности” (с. 180), “Для монголоидных групп характерно сочетание очень большой длины руки с самой короткой ногой” (с. 181). Фактические данные, приведенные в статье А.Л. Пурунджана, очень интересны. Но возникает вопрос: не связаны ли они каким-либо образом с особенностями деятельности людей? Другими словами, существует ли цепочка влияний: природные условия – способ активности человека – морфологическая изменчивость (своего рода культурный отбор)?

В статье Т.П. Чижиковой и Н.С. Смирновой “Соматический онтогенез взрослого сельского населения различных этнических групп” делается попытка продемонстрировать, с одной стороны, биологические различия в онтогенезе у представителей разных этнотерриториальных групп, а с другой – показать влияние особенностей деятельности на антропологические показатели. Важным параметром этого исследования является образ жизни, наличие и продолжительность стресса, способности его преодолевать. Такой же подход получил отражение и в выводах исследования – “Локальные факторы социальной и природной среды оказывают весьма существенное влияние на характер онтогенеза в группе” (с. 192).

О разнообразии и в то же время устойчивости антропологических типов идет речь и в статье А.Н. Багашева “Антропологический тип южных самодийцев и его происхождение”. Особо отметим итоговое положение этого исследователя. “Генезис комплекса расовых черт, – пишет автор, – который в качестве исторической реальности может быть отмечен по крайней мере с III тыс. до н.э., ведет к формированию достаточно стабильного во времени и устойчивого в пространстве обь-иртышского антропологического типа” (с. 153–155). Наличие дискретных антропологических типов не исключает, а наоборот, предполагает процесс метисации, антропологической диффузии. Этому аспекту посвящено исследование Г.А. Аксяновой и Ю.Н. Квашнина “Проблемы метисации тоболо-иртышских татар”. Хотелось бы при этом подчеркнуть, что метисация как процесс образования смешанных типов есть лишь одна из сторон сложного процесса изменчивости наряду с функционированием дискретных образований – антропологических типов. Строго говоря, любые переходные вариации невозможны без стабильных устойчивых типов.

Демонстрацией применения современных методов популяционной генетики к вопросам этногенеза является статья Ю.А. Серегина, Е.В. Балановской, И.А. Лебедевой, Э.А. Почешко-

вой, О.П. Балановского, А.С. Пшеничнова и А.В. Полтарауса “Характеристика митохондриального генома адьгейцев (по данным причерноморских шапсугов)”. В ней представлен сравнительный генетический анализ различных этнических групп (шапсуги, турки, баски, русские, болгары, немцы, монголы, арабы). Необходимо обратить внимание, что отдельным предметом анализа в этой статье является существование в пространстве и во времени разнообразных этнических групп и высокая степень дифференциации популяций Северного Кавказа (с. 127).

Особо остановимся на рассмотрении статьи, посвященной классической для российской антропологии теме – реконструкции лица на основании черепа. Метод, предложенный М.М. Герасимовым, получил дальнейшее развитие в работах его учеников. Некоторые новые аспекты его применения отражены в статье Т.С. Балуевой и Е.В. Веселовской “Прогнозирование элементов внешности в антропологической реконструкции”, где подчеркивается значимость изучения взаимозависимости между морфологическими признаками лица и их костной основой для дальнейшей разработки метода реконструкции лица по черепу. Иные методы, по мнению авторов, не дают достаточного количества достоверного материала (с. 91).

Объект комплексного исследования (с применением других методик) Т.С. Балуевой и Е.В. Веселовской – ряд контрастных в антропологическом отношении групп – монголоидных (буряты, корейцы), европеоидных (литовцы, курды) и др. Авторы выявили конкретные формы взаимозависимости между отдельными физиогномическими признаками и особенностями морфологии черепа. Например, ширина носа оказалась связана достаточно устойчивым показателем с шириной рта, с расстоянием между альвеолярными возвышениями клыков, шириной расхождения носогубных складок, шириной зубной дуги на различных уровнях (с. 93). Интересно, что ряд полученных авторами показателей входят в противоречие с нормами, принятыми в искусствоведении. Так, принятый “в изобразительном искусстве канон соответствия высоты уха высоте носа не подтверждается нашими данными”, – отмечают Т.С. Балуева и Е.В. Веселовская.

Итак, мы познакомились с разнообразными методами изучения биологических особенностей различных этнических групп. Все рассмотренные в рецензии исследования интересны, продуктивны и важны для развития антропологии в России. Но все же, по моему мнению, им не хватает большей интегративности, междисциплинарности, целостности (как тенденции), которые можно встретить в психологической антропологии образца 1980–2000 гг. В некоторых разделах этой дисциплины явно выражено стремление изучать цепочку взаимодействий от культурных особенностей до специфики биологических взаимодействий (в функциональном аспекте) той или иной этнокультурной общности и человека вообще.

Наиболее ярко это проявляется при анализе психобиологических особенностей ритуалов и активной разработке междисциплинарной области с “этологией человека” и другими аспектами поведенческой биологии. Стремление к интеграции присутствует и в медицинской антропологии, в которой важное место занимает поиск корреляций соматических показателей с образом жизни (культурой). Нисколько не умаляя значимость исследования Т.В. Панасюк “Возрастная динамика соматотипа в аборигенных северных популяциях России”, все же необходимо признать, что с прикладной точки зрения общий подход к исследованию менее содержателен, чем в медицинской антропологии, например, как он представлен в работе А.И. Козлова и Г.Г. Вершубской “Медицинская антропология коренного населения Севера России” (М., 1999).

В то же время междисциплинарные исследования требуют более гибкого отношения к анализу эмпирического материала и интерпретации результатов, особенно когда речь идет о таком многогранном понятии, как “красота у различных народов”. И не стоит торопиться с введением новых наименований типа “антропоэстетика”, как сделала Н.И. Халдеева в статье “Роль внешности человека как фактор социальной адаптации”. Автор делает слишком много категорических заявлений там, где более уместны обороты типа “вероятно”, “по-видимому” и т.д. Я, например, сомневаюсь, что в указанной области знания есть собственный понятийный аппарат. В то же время автор некорректно употребляет ряд терминов. Например, в разряд биосоциальных феноменов зачислены “самосознание, самоопределение, идентичность, самоконцепция (положительный самообраз группы)” (с. 81). При этом делается ссылка без указания страниц на работы Н.М. Лебедевой и Г.У. Солдатовой. И совершенно не нужно торопиться с выведением математических показателей и тем более делать их практически единственной целью исследования. И последнее: в заголовке данной статьи присутствует понятие “социальная адаптация”, но на протяжении всего исследования рассматриваются только “биофеномены”.

Примерно та же проблема затронута в статье Г.А. Аксяновой “Теоретические аспекты расоведения и особенности психологического восприятия физической внешности человека”, где автор уделяет значительное место выводам психологов и антропологов относительно прикладных содержательных аспектов феномена физической внешности в современной социальной реальности.

В завершающей части рецензии необходимо отметить еще одно существенное достоинство сборника – анализ общетеоретических проблем современного расоведения. Этим вопросом посвящены статьи А.А. Зубова, Л.Т. Яблонского, В.Е. Дерябина и уже упоминавшаяся статья Г.А. Аксяновой. Основной вопрос, объединяющий все указанные исследования – существуют ли расы или антропологические типы как дискретные образования, имеющие свою историю и пространственные ареалы существования? В другой форме эту же проблему можно представить как противостояние двух точек зрения: “типологизм” и “клинализм”.

Согласно последнему, не существует дискретных (отдельных, самостоятельных) расовых образований, а есть лишь множество непрерывных взаимных морфологических переходов между антропологическими вариациями. Клиналистский подход подвергнут детальной аргументированной критике на конкретных примерах в исследовании В.Е. Дерябина “О дискретных расовых вариациях в современном населении Восточной Европы и Кавказа: популяционный типологизм против клинализма”. В статье на богатейшем статистическом материале систематическим образом опровергается тезис об отсутствии антропологических типов как дискретных образований. При этом автор не отвергает и существования клинальных вариаций. Примером таковых является вариация, наблюдаемая от антропологических вариантов, характерных для украинцев и белорусов Полесья, через украинцев Среднего Приднестровья к нижнеднепровским украинцам (с. 111).

Вообще большинство работ, опубликованных в рецензируемом издании, так или иначе доказывают различными способами дискретность антропологических типов. В то же время никто не отрицает наличие клинальных вариаций, но совершенно неверным будет положение о том, что все антропологическое разнообразие описывается популяционным клинализмом и только им. Здесь мы встречаемся с очень распространенным, к сожалению, в современной науке явлением – подменной логического статуса высказываний с частного (“Некоторые А есть Р”) на общий (“Все А есть Р”). Поэтому любое доказательство дискретности, даже на нескольких примерах, как, например, это было сделано в статье В.Е. Дерябина, опровергает доктрину клинализма как всеобщую. Но сторонники клинализма этого не замечают и делают вывод об отсутствии существования рас, антропологических типов и тому подобного качественного биологического разнообразия человечества.

Данный вывод находится уже за пределами возможных интерпретаций эмпирических данных или тех или иных теоретических антропологических конструкций. Здесь мы вступаем в область доктрин, идеологий и современной массовой позитивистской науки, которая процессы пищеварения и другие внутриорганические процессы изучает путем опроса респондентов. Я совершенно согласен с Г.А. Аксяновой в том, что причины отрицания дискретности антропологических типов коренятся в “изменении некоторых ориентиров в национальной политике государств и необходимости ее теоретического обоснования”. В этой “ситуации, как показывает жизнь, не всем удается отделять политические и идеологические задачи от объективной биологической реальности и научного теоретического мышления” (с. 37).

Мы еще вернемся к этому аспекту проблемы, а сейчас хотелось бы обратиться к центральной статье, посвященной теории расоведения, исследованию А.А. Зубова “Миф о нерреальности внутривидового разнообразия человечества”. Автор в спокойной академической манере и весьма аргументированно доказывает несостоятельность положений ряда ученых, основной смысл которых выражен в словах Йохансона “Расы – пустые категории, лишенные биологической основы” (с. 12). Кроме того, генетика объявляется “новой антропологией”, а старый морфологический подход отвергается как поверхностный (с. 12–13). А.А. Зубов показывает фактическую несостоятельность выдвинутых положений и предпринимает критический анализ некоторых общих аргументов клиналистов. Один из наиболее модных ныне аргументов сторонников отрицания существования рас состоит в том, что “львиная доля” разнообразия приходится на внутривидовой популяционный уровень, тогда как на межпопуляционный – лишь несколько процентов (с. 13–14). Оценивая данный аргумент, А.А. Зубов отмечает произвольность отбора статистического материала, а также неудачность выбора критериев.

В то же время в статье используется фундаментальное положение, существенное для очень широкого спектра исследований: “Чем ниже системный уровень, тем меньше будет число выделенных общностей. Давно замечено, что морфологические показатели дают существенно более высокий уровень различий по сравнению с генетическими” (с. 14). Если сравнить человека с ближайшими эволюционными родственниками, например, с шимпанзе, то по фенетическим критериям они относятся к разным семействам, а по генетическим их включают в один род. Ввиду этого наука в конце XX в. столкнулась с противоречивым феноменом, «когда по системе генетических признаков (причем, вероятно, не всегда целесообразно отобранных), – отмечает А.А. Зубов, – различия в пределах нашего вида *Homo sapiens* “исчезают”, но на другом системном уровне они проявляются» (с. 14–15).

В данной статье также делается акцент на нетождественности биологического понятия “подвид” и понятия “раса”, так как “расы человека, являющиеся по сути своей биологическими категориями, не могут быть всесторонне познаны без привлечения данных исторических наук. И, с другой стороны, материалы антропологических исследований являются для исторических наук ценным источником информации” (с. 17). В заключительной части статьи А.А. Зубов отвергает абсурдные обвинения российских антропологов в расизме и обосновывает необходимость существования этнической антропологии, подчеркивая при этом, что “этнос может наложить некоторый отпечаток на физический тип группы” (с. 20).

Казалось бы, в статье А.А. Зубова и в других исследованиях, опубликованных в сборнике, многократно и с различных точек зрения доказано, что антропологические типы существуют, что изменчивость имеет дискретные, качественно определенные рамки. Но дело в том, что “клиналистская концепция” есть часть доктрины очень модного ныне индивидуализма либерального толка, поэтому из частной точки зрения отдельных ученых она превратилась в широко растиражированную “единственно правильную теорию”, новейшее достижение современной науки. Она призвана оправдать и доказать доктрину (или идеологию), согласно которой существуют только индивиды (особи и т.д.). А.А. Зубов приводит цитату Бесси: “Природа производит особей и ничего более... виды в природе реально не существуют. Они являются умозрительными понятиями и ничем более” (с. 11).

Идеи подобного рода составляют основу либеральной экономической теории. Они занимают центральное место в концепциях Л. фон Мизеса и Ф.А. фон Хайека и получили название “методологический индивидуализм”, состоящий прежде всего в положении: “Не существует ни классов, ни общества, есть только индивиды” (Хайек 1999: 94). Особым вниманием теории, подобные клинализму, стали пользоваться в конце XX – начале XXI в. в связи с попытками доказать возможность осуществления только одной модели глобализации – одномерно-однообразной, уничтожающей всякое культурное разнообразие. Очень кстати пришелся “клинализм”, отрицающий дискретное биологическое разнообразие и признающий только плавные переходы. Таким образом, общее и у “клиналистов”, и у одномерных глобалистов, и у либеральных экономистов – это отрицание качественного разнообразия, а уж оно-то действительно – закон человеческого существования как в биологии, так и в культуре.

Для придания своей точке зрения большей убедительности “клиналисты” идут на откровенную фальсификацию реального, фактического положения вещей. Приведу только один пример. В статье М. Бамшеда и С. Олсан “Существуют ли расы?” (Бамшед и др. 2004: 36) достаточно осторожно, но все же отрицается существование рас (хотя статистический материал, используемый в статье, может свидетельствовать и об обратном). В качестве дополнительной аргументации опубликованы шесть фотографий женщин (они же представлены на обложке журнала) с очень слабо выраженными морфологическими отличиями. Практически все они смотрятся одинаковыми, есть лишь небольшая разница в оттенках цвета кожи. По замыслу авторов, данные иллюстрации должны продемонстрировать все многообразие человечества (чернокожей женщины, как и негроидного типа, нет на фотографиях).

С большой долей уверенности можно утверждать, что эти фотографии делали на компьютере. И нет тут сколько-нибудь выраженных антропологических типов, и нет индивидуальности, а есть только плавные переходы. Предложенный ряд “разнообразия” людей не имеет никакого отношения к реальности. Для того, чтобы понять это, не надо быть антропологом. Достаточно сравнить абстрактную ирреальную версию “клиналистов” с действительным многообразием антропологических типов, которые можно было совсем недавно видеть на церемонии открытия Олимпийских игр в Афинах.

Нельзя также обойти вниманием тот факт, что в теории клинализма присутствует абсолютизация вульгарного эволюционизма, который не признает качественных, дискретных образований, а везде видит только плавные переходы. Согласно этой концепции, нет и различия между человеком и животными. Строго говоря, эволюционизм (особенно в его индивидуалистической версии) не способен объяснить появления и существования чего-либо качественно определенного. Клинализм же в данном случае является его последовательным выражением.

Дискуссии о существовании рас посвящена и статья Л.Т. Яблонского “Некоторые задачи отечественного расоведения на современном этапе”. Опираясь на популяционную концепцию понятия расы, в качестве аргумента против “клинализма” и индивидуалистического подхода автор выдвигает положение о том, что индивид “далеко не всегда адекватно отражает генетические и морфологические особенности расы, а тем более физического типа этноса, к которому он исторически принадлежит” (с. 28). В то же время Л.Т. Яблонский отмечает очень важное обстоятельство. Одновременно с отрицанием существования рас и практическим запрещением расово-антропологических исследований в ряде западных стран публикуются работы с расистским оттенком. Он приводит пример корреляции длины мужского полового члена с интеллектуальными способностями из книги Ф. Руштона “Раса: эволюция и поведение” (с. 30). Комментарии здесь излишни. Можно лишь с сожалением констатировать, что подобных примеров в современной научной литературе превеликое множество.

Довольно часто встречаются различные вариации на тему соотношения генетических предпосылок со стереотипами поведения человека и его способностями. Здесь мы встречаемся с “генами” измены у женщины, “генами” преступности, “генами” интеллекта и даже “генами” глупости. Я не знаю, какие функции выполняет подобного рода наука, но уверен, что она не имеет никакого отношения к реальному познанию человека. Многие публикации о корреляции генов и способностей человека – это лишь бесконечные иллюстрации к живучему мифу о том, что в ближайшем будущем будут открыты гены, “ответственные” за те или иные способности человека. Не отрицая роли наследственной компоненты, отмечу, что гены – это не тот системный уровень, на котором можно решать проблемы поведения. Их можно рассматривать на более высоких уровнях системной целостности, в том числе в соотношении телесной организации индивида вместе с функциональными особенностями организма.

И последнее замечание по поводу дискуссии о “клинализме”. Я думаю, что она полезна для развития науки и очень хорошо, что она получила отражение в рецензируемом сборнике. Это еще раз говорит о необходимости разработки теоретических принципов интерпретации эмпирических данных в биологии и в частности в генетике. Исследования последних лет показывают, что ряд принципов генетической науки нуждаются в пересмотре. Как полагают авторы фундаментального исследования на эту тему Э. Стил, Р. Линдли, Р. Бландэн, “мы стоим у порога новой захватывающей эры в генетических исследованиях. В наших силах попытаться ответить на вопрос, проницаем ли барьер Вейсмана, наследуются ли приобретенные признаки, и если да, каковы молекулярные механизмы такого наследования. Однако сделать это мы можем только в том случае, если все вместе решим это сделать.”

Между тем многие биологи, придерживающиеся неodarвинистских взглядов, яростно сопротивляются подобного рода исследованиям. Их позицию можно сравнить с позицией Церкви в 1850-е годы, которая приняла в штыки идею эволюции путем естественного отбора” (Стил и др. 2002: 191–192). Будем надеяться, что указанный подход в биологии (соматический отбор) получит развитие в современной биологии.

В завершение хотелось бы заметить, что термин “приобретенный” не самый удачный для формулировки столь сложной проблемы. Я думаю, что если генетические исследования смогут показать значение естественной и культурной среды как внешнего фактора в процессе эволюции и продемонстрируют механизмы воздействия внешней среды, то многие проблемы биологической и культурной антропологии получат более адекватное решение.

Литература

Бамшед и др. 2004 – Бамшед М., Олкан С. Существуют ли расы? // В мире науки. Scientific American. 2004. № 3.

Стил 2002 – Стил Э., Линдли Р., Бландэн Р. Что, если Ламарк прав? Иммуногенетика и эволюция. М., 2002. (Название оригинала – Lamarck’s signature. How retrogenes are changing Darwin’s natural selection paradigm).

Хайек 1999 – Хайек Ф.А. Познание, конкуренция, свобода. СПб., 1999.